

Ольга Хейфиц

**Гольй
дневник**

Ольга Хейфиц

ГОЛЫЙ ДНЕВНИК

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51936138

ISBN 9785449811967

Аннотация

Здесь тайные желания прочно переплетены со страхами, а порой и со смертью. Страшные и красивые сказки – вот мир, в котором живут героини этих историй. Великолепные и трогательные, смешные и смелые, порочные и абсурдные, они расскажут каждая свою легенду, свое взволнованное повествование о жизни и о любви.

Содержание

Голый дневник	6
Pro et contra	6
Фотосессия – 5 мая 2010	10
Sentio A – 16 мая 2010	11
Дискуссия	12
Выбор	15
Вспоминая	18
Пони – 10 мая 2010	21
Sentio B – 13 мая 2010	23
And the winner is... – 2 июня 2010	24
Sentio C – 3 июня 2010	25
Sentio D – Странные люди	26
Paris	27
Sentio F – 17 июня 2010	31
Город – 02 августа 2010	33
Help – 21 августа 2012	35
Стол	43
Любимая. Конец горю	46
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Голый дневник

Ольга Хейфиц

© Ольга Хейфиц, 2020

ISBN 978-5-4498-1196-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГОЛЫЙ ДНЕВНИК

Pro et contra

Довольно сложно представить собственную смерть. Во всяком случае, мне было сложно. Какая она, должна ли она быть с налетом последнего в жизни гламура или предстать обыденной и уродливой? Как умирают тридцатилетние бездельницы? И зачем? Мне представляется, вероятность найти светскую даму повесившейся ничтожно мала, просто потому что это выглядело бы крайне неэстетично. Возможно, это мое ошибочное мнение, но даже в объятиях Аида я бы предпочла не терять лица. Скорее всего, не нужно быть специалистом, чтобы предположить, что подобный ход размышлений говорит о несерьезности намерений потенциального самоубийцы, то есть меня. Но я бы разуверила сомневающихся. Просто решение уйти посетило меня не вдруг, не спонтанно, не под шепот препаратов, влияющих на адекватность работы мозга. Вот почему это решение и не было приведено в исполнение быстро и без фантазии. К тому же я, как и большинство людей, боюсь боли. И, кроме того, я женщина, которая всегда холила свое тело, лелеяла свою внешность, и было бы глупо перечеркнуть весь этот многолетний труд бездумным ударом об асфальт или выстрелом в голо-

ву. Одно время я даже затосковала, что идеи Стивенсона о клубе самоубийц, наверное, остались не более чем идеями на страницах романа. Но, с другой стороны, в таком важном вопросе не стоило доверять кому-то решать за себя. Обстановка в моей жизни не располагала к хорошему настроению. Помню, в тот месяц как раз вышла моя небольшая заметка в журнале. Прочитав её еще раз, я поняла, что мое настроение вряд ли скоро улучшится, потому что реальность не только не внушала оптимизма, но и лишала последних надежд. Мне всегда был близок вечно актуальный вопрос: реальность разрушает мечту, так почему бы мечте не разрушить реальность? Ответа не было.

Зачем думать, когда можно вслушиваться в запахи, вглядываться в светлые пятна на реке, гулять по набережной в сторону центра. Пойти сейчас и застрелиться, утопиться, неожиданно весной, когда у всех жизнь только начинается. Некрасиво и неинтеллигентно сойти с дистанции, как бросить курить или отказаться от углеводов в пользу талии. Ну что делать, если раздумалось интересоваться грядущими событиями. Набитый людьми город рассекал сознание надвое, пытался увлечь, но и он уже не казался мне ни привлекательным, ни наделенным смыслом.

А вообще-то все конечно было не просто так, не в один день. У меня жизнь не сложилась. Как и у многих, даже относительно успешных моих урбанизированных современников и современниц. Просто я, видимо, разленилась совсем и за-

хотела прерваться. Жизнь не сложилась по паззам. Картинка просто распадалась на ровном месте, разваливалась, протекала сквозь пальцы, не оставляя сомнений в том, что это конец. А моя профессиональная деятельность свелась практически к нулю. Я рассуждала примерно так:

Почему то, о чем так легко говорить, так сложно писать? Беседа течет, переливаясь из уст в уста, поддерживается атмосферой, напитками, саундтреком. И иногда разговор перетекает далеко за середину ночи, близится к утру, гонит сон, полнит пепельницу. Захватывает и рождает маленькие истины. И с каждым собеседником все происходит иначе, и даже одна и та же тема может переливаться от золотого до пурпурно-красного в исполнении разных людей. А вот когда пытаешься доверить это бумаге, она, как известно, не краснеет, но теряет весь колорит. Весь смысл и бессмыслицу сказанного накануне за бокалом вина. Разговор – произведение двух и более умов, характеров, опытов. Диалог же, изложенный письменно, – экзерсисы одного человека. Печально. Так хочется передать жизнь без помощи видео. Или это просто я не умею писать диалоги...

Моя прочая жизнедеятельность тоже была подвергнута анализу:

Чему еще я не научилась? Готовить, испанскому языку, управлять мотоциклом, зарабатывать деньги, заниматься сексом для здоровья, чтить религию, рожать детей. Не научилась быть любимой, не расстраивать родителей, шить, ка-

таться на разных вариантах досок, серфе, сноуборде... рисовать толком не умею. И прощать, и забывать.

Зато как много я умею. Водить машину, влюбляться и влюблять, хорошо одеваться, петь и танцевать. Любить друзей и пить с ними до утра, хорошо пахнуть, хорошо скрывать свои чувства. Иногда. Когда того требуют обстоятельства. Довольно часто. Еще умею играть на фортепиано и говорить на трех языках, умею общаться с людьми намного младше и намного старше. Люблю свои руки.

В колонке «за и против» продолжать в том же духе, победило против.

За: многого еще не повидала, не родила никого, а как же родители?

Против: устала жить, бороться, доказывать, устала ждать счастья, и все время мучает страх того, что обрести семью и любовь сегодня невозможно, и тому свидетельство моя собственная статья, которая и натолкнула меня в один прекрасный день на мысль, что «пожалуй, хватит, пора и честь знать». К тому же, пару пунктов из колонки «за» можно просто аннулировать. Потому что, зачем рожать детей в таком чудовищно безразличном мире, обрекать их только на полную разочарований жизнь. И потому что я уже повидала достаточно, чтобы не хотеть смотреть дальше.

Говоря проще, мне в тот день было совсем нехорошо. Свежая базиликовая весна, и еще вполне молодая жизнь стали вдруг неинтересны.

Фотосессия – 5 мая 2010

В папиной просторной белоснежной рубашке на 5 размеров больше, с запонками, с отворотами манжет, со стрелками на рукавах, я выгляжу даже хрупкой. Объектив застыл перед моим лицом, одетым в плотный профессиональный make up. Сейчас камера щелкнет голодным клювом и вырвет себе на память часть моей жизни. Глаза смаргивают вспышку, еще один жадный кадр, и так много часов. Тело ломит, но я послушно стою, подтянув ягодицы, отключив голову и развернувшись к свету. Весь этот прекрасный процесс – дань моему тщеславию и любопытству. Увидим результат через пару недель.

Sentio A – 16 мая 2010

Песня потекла по венам. Сердце за мгновение перекачало излишне много крови и выдало странный ритм. Я сидела за столом с приятными людьми, шел не спеша вечер, разговор перекатывался на губах легко. И тут меня словно выбросило в начало зимы, растревожив, затуманив мозг, накидав иллюзий, поманив в недавние желания. Слишком много образов, ассоциаций много.

Забавное ощущение. Люблю иногда такие флешбэки... «I catch your eyes, try not to smile».

Дискуссия

«... вопрос текущей дискуссии состоит в том, насколько немодно сегодня любить. Возможны варианты. Немодно было вчера, а сегодня уже просто разучились. Дань ушедшим традициям. И правда, вроде время тотального цинизма проходит, и лишь отстающие от прогресса все еще тешат себя и общественность потугами на индивидуальное существование. Суть в чем? Не разрушить устоявшийся уклад жизни современного холостяка или холостячки (если для одиноких дам нет более благозвучного определения), не спутать карьеру и личные отношения, не позволить никому разрушить свою привычную жизнь, не допустить ошибок, боли, дискомфорта. Забавно слово «дискомфорт», употребляемое в контексте рассуждений о любви. Модный когда-то декаданс трансформировался в одночасье в свой практически антоним – абсолютное равнодушие. Это как любовь из Икеи. Быстро, дешево и конструктивно. Без эмоциональных затрат и потери времени. Золотая середина и некультивированные чувства потерялись где-то во времени и пространстве. Несколько десятилетий назад в некоем союзном государстве была в моде любовь без измен, душевных терзаний и физических нагрузок. Тоже своего рода тренд, У этого тренда был даже слоган, вынесенный на мировую арену и провозгласивший отсутствие физиологической составля-

ющей любви у нашей нации. Запатентованное противозачаточное средство. С точки зрения современных мужчин, посвятивших подобным изысканиям целое драматургическое произведение и даже фильм, чувства, описанные в небезызвестной трагедии Шекспира о Ромео и Джульетте потерпели бы крах и свелись к ничтожной бытовухе, не будь главные герои умницами и не покончи они с собой в самом начале пути... И когда это самое обсуждаемое в мире чувство, самая продуктивная эмоция стала жертвой моды? Непонятно. В общем, тенденции на лицо, противоядий нет, пора на покой.

Если говорить совсем откровенно, я как обыватель просто очень устала бороться с навязанным порядком жизни. Все какие-то не наивные, не чистые, не умные. Зато очень современные, даже своевременные, очень динамичные. Все динамично: не обед, а бизнес-ланч, не прогулка, а беговая дорожка, не любовь, а fastsex, не семья, а воскресные папы. Мне как-то заскучалось по белым деревянным верандам, пропитанным солнцем, по домино после полдника, по самому понятию «полдник», такому детскому и уютному. А как же книги, с волнистыми от влаги страницами, с заметками на полях, и свечи... Мне так обидно, что свечи теперь многим кажутся уделом полубезумных женщин, пытающихся укрыть в их ненавязчивом свете свои морщины или, того хуже, прыщики, либо инструментом поклонников восточных философских практик. А я, правда, очень люблю и све-

чи, и долгие ужины за полночь, и мягкие губы на своей коже».

Выбор

Выбирать себе смерть, как выбирать правильное платье. Важны все детали. Тугая или струящаяся ткань, складки или корсет, мини или со шлейфом, черное или ярко-голубое. Значит, смерть должна идти тебе так же, как любимый наряд. Обнимать тебя, подчеркивая все достоинства и скрывая недостатки. Заигрывать с ней опасно и глупо, надо просто создать все условия. Роскошная или скромная, она не должна портить картину твоей жизни, а стать ее достойным завершением.

Мазохистские мысли об эстетике самоубийства полностью завладели моим умом на пороге 31-ого дня рождения. Какой-то туман в голове порой наводил на подозрения о несколько нестандартном ходе моих размышлений, но это не имело отношения к делу, и я быстро возвращалась на исходные позиции.

Проверить себя, вспомнить, какой была когда-то, да хотя бы и совсем недавно, год назад. Была ли счастливее или несчастнее, исправилось ли что-то во мне или надорвалось... Ноутбук послушно хранит отрывки моей души за последние 10 лет. Что-то осталось за кадром, что-то кануло в лету из-за глупости беспечных ребят, что форматировали когда-то мой системный блок. Но что-то живо и иногда находит место в моем сегодняшнем дне.

«Пора изучить собственное счастье. Пора зачать его внутри своего организма усилием воли, нажатием на сердце и мозг.

Проснулась в день своего тридцатилетия. Оглянулась, вспомнила о потерянных годах и решила изучить телефонную книжку, нынче холодноватый на язык «список контактов». Хотелось обнаружить там имена и телефоны приобретенных за это время друзей и поклонников. Попытка успехом не увенчалась...

Завтра в городе небольшой снег, местами гололед, ночью до семи градусов мороза. Как с этим бороться в одиночку? Как просить о помощи, если ты уже вырос, и все вокруг так заняты... И вот в молодости ты оказываешься еще беззащитнее, чем в детстве. А в сознательной зрелости еще беззащитнее, чем в молодости, когда хоть кто-то еще заботится о тебе. Можно укрыться под ватными покрывалами работы или за спинами друзей, но тогда эти прикрытия извне слишком быстро проникают в твой позвоночник механической опорой, и он атрофируется. Без них уже не получится. А значит нужно искать укрытие в себе. Внутри своего маленького изнеженного тела. Оно и так боится жары и холода, а ты вместо заботы пеленаешь его во все новые проблемы. И они кусают кожу. И все равно продолжает хотеться несамостоятельности и защищенности.

Последние откровения и убежища потеряны в спальне. Где в последнее время прохладно и пусто. Видимо, очеред-

ные прошедшие 365 дней не улучшили ничего.

Вспоминая

Я слишком любила свои вещи и немногочисленных друзей, чтобы не подумать заботливо о том, что кому могло бы пригодиться в случае моей «неожиданной» кончины.

В самых укромных уголках квартиры я вдруг стала сталкиваться с кучей тотемных в своем роде вещей-воспоминаний. Я и не думала, что их так много живет рядом со мной. Пепельницы, чашки, брелоки, игрушки, платки, смешное кресло, каждая картина, имели своих родителей и историю появления.

Мое прошлое заигрывало со мной, то забираясь в старую любимую сказку, то болтая ножками на деревянном подоконнике, то перепрыгивая в фотоальбом с еще «живыми», нецифровыми фотографиями, на которых кто-нибудь очень молодой держал за руку меня, забавно одетую с простодушной прической.

Моя первая любовь взметнулась где-то в начале воспоминаний. Это была стартовая страница взрослого сознания, она как кошка шалила, иногда пощипывала меня из глубины лет, щекотала и порой заставляла грустить.

* * *

Такой теплый, медово-пряничный, горько-сладкий,

не приторный мальчик. Крепкий молочно-белый скелет, обтянутый сильными розовыми, как цветы, мышцами, гладкая прохладная кожа, нежный запах ухоженной плоти... For me. Only.

Каникулы начались неожиданно и очень по-семейному. Зато уже через несколько дней, покоричневев, загорев, пропитавшись зноем, я потерлась котенком, ласковым клубком прикатилась на его колени, признав за ним бесспорное лидерство и вместе с ним право организовывать мой летний досуг.

Мы не замечали очевидного, и в этом, несомненно, было наше преимущество двадцатилетних.

Глядя на своего избранника, я готова была оспорить все на свете аксиомы о том, что настоящий мужчина не должен быть хорош собой. Тело, синие бусины глаз, настоящий фетиш в виде татуировки, все вместе воплощало в этом существе любые мои девичьи мечты. После него лишь однажды в своей жизни я рассматривала отдельные части тела человека как произведение искусства. Дьявол в деталях. Но и божественное вдохновение определено тоже.

Меня немного забавлял тот факт, что моим принцем, моей излюбленной фантазией и первой любовью стал банальный сосед по летнему домику. Но зато у нас нашлись общие корни, которые мгновенно проросли друг в друга и, сцепившись единой нитью, много лет не давали забыть о том времени.

Нам, наверное, завидовали многие вокруг, но я ничего

не замечала, мне все равно было все, что не имело отношения к нему, моему. Мы писали ласковые записки. Мы, конечно, жили без сна, без еды, без воды, без дней и ночей, только одними общими минутами, наши вдохи и выдохи были синхронны.

Свет проникал в машину через маленькую щелку в приоткрытом окне, я лежала на его коленях, повернув лицо, и, глядя в потолок, плакала. Он гладил мой лоб, держал мою руку, а я все плакала от счастья быть рядом, дышать одними молекулами, а он только шептал: как же нам повезло, как же повезло...

Я уже почти не помню деталей, мое тело не умирает больше без его кожи, без его кодов. Но только изредка он снится мне спустя почти 10 лет в протяжных, тоскующих снах, и я просыпаюсь в горячих простынях, залитых воспоминаниями.

Пони – 10 мая 2010

Это не могло произойти случайно, случайностей не бывает. Он посмотрел на меня исподлобья – вскинул мутное золотое глаз, и навязчивая надежда, на то, что все еще можно исправить, испарилась.

Я уже трогала его пальцы, вдыхала теплые от алкоголя губы, пробовала на вкус запах волос. Танцевать опасно.

Что еще в сумме может вызвать такую реакцию? Вполне достаточно для сильных ощущений первого вечера, когда уже все понимаешь, и уже не можешь отпустить, вернуть кому-то. Даже если не твое, даже если знаешь, что нельзя.

Почему некоторые становятся чьими-то мужьями раньше, чем узнают о твоём существовании? А еще во сто крат хуже, если он знал, всегда знал и выбрал не тебя. А теперь одумался, но уже поздно уже тянет там, вязкая, как смола женщина и сахарки-дети. А еще смешнее, глупее, что сначала он принадлежал тебе, был твой, растворенный, замученный ночным счастьем и дневной разлукой, а потом голова мужчины, глупая, истерзанная логикой и сиюминутными комплексами, повела его в сторону обид и страхов.

Ушла половинка, не дожив до 2 лет пару месяцев, отодралась с кожей, избородив в кровь сердце и отрезвив мозг.

Прошло несколько лет, и теперь я держу в руках его плечи, а на нас смотрят люди, и так странно у всех на глазах те-

рять волю, превращаться в любовницу собственного поумневшего, но уже несвободного мужчины.

Превращения не состоятся. Я не пони – бегать по кругу.

Sentio B – 13 мая 2010

Кто последний добежит до двери, тому придется мыть посуду.

Так было в детстве, мягком, полусонном, и очень долгом, как мне всегда казалось.

Теперь приходится бежать еще быстрее, и ладно бы, если только из-за посуды...

And the winner is... – 2 июня 2010

Любовь как будто бы плотнее дружбы, объемнее. Она осязаема и ловит твоё тело и мысли каждую неудобную минуту. Она покушается на наше время, отнимает нас у друзей и родных, затягивает, словно воздух через трубочку. Потом ломает кости, больно-больно.

Дружба не такая. Она теплая, а не обжигающая, надёжная, а не капризная. Она не ловит тебя, а держит в равновесии, и порой это то единственное, что действительно может тебя удержать. Дружеские вечера, полные спокойствия или веселья, часто лишены азарта. Зато максимальные разрушительные последствия после них – это похмелье. И не тяжёлое, горькое с привкусом слез и снотворного, что бывает от проделок любви, а взлохмаченное, с продолжением и смеющимися в зеркале глазами.

Одна циничная, властная, упрямая, нежно скользнувшая вокруг тебя и впитавшаяся, как алкоголь, в кровь и под кожу. Морщинки от неё грустные, а воспоминания самые счастливые.

Другая, беззаботная, юная, вроде и лечит последствия той, злой и опасной. И сильная, и светлая и главное, ничего с тобой не делит.

И без обеих жизнь пуста.

Что вам больше нравится?

Sentio C – 3 июня 2010

Интересно, что глупее или опаснее, пустить в свою жизнь того, кто этого не стоит, или не пустить того, кто достоин? В одном случае ты рискуешь стать несчастной, во втором – никогда счастья не узнать...

Sentio D – Странные люди

Мне, конечно, крупно повезло с семьей, в отличие от моей семьи, которой не слишком повезло со мной. И та независимость, которой я столь усиленно добивалась, будучи подростком, легла на меня полосой отчуждения, как только я достигла результата.

В один момент, я ощутила себя оторванной от семейного тождества, перестала чувствовать себя нужной и нуждающейся. Интересно, они разочаровались во мне, когда я перестала работать на постоянной основе или когда я отказалась рожать им внуков?

Paris

По этой дороге ты когда-нибудь пойдешь не одна.

Никогда не писала толковых дневников. Сейчас мне кажется, что зря, или жаль. Потому что теперь у меня есть желание повспоминать.

Париж моими глазами – это детский подарок на Новый год. Или взрослое счастье долгожданного обладания. Я иду, тротуары струятся, смешные мостовые сбивают каблук любимых туфель. Весна, конечно. В саду Тюильри на меня кидается солнце, запах молодых, безупречно французских людей, раскиданных на газоне. Я обычно сажусь на одну из скамеек, опасаясь еще не отогревшейся земли. Камень скамейки шершавый, старый и умный. И первые, счастливые французские слезы, переполнив меня, выливаются из глаз, их не смущают ни веки, ни накрашенные ресницы, они лишь секунду замирают перед этими препятствиями и, словно почувствовав свою силу, струятся по щекам, смывая пыль. Я всегда плачу в первый день в Париже. Могла бы обнять его, или съесть, проглотила бы не задумываясь. С балконами и эркерами домов, с запахами булочных и шедеврами Лувра и Орсе, с метро, непреодолимо пахнущим, с сигаретным дымом, вокзалами, старыми фонтанами, трансвеститами в Булонском лесу, с Эйфелевой башней. На десерт – воздушное бизе Сакрекёр, а запила бы Сеной.

Подавившись собственным парижским счастьем, спешу в кафе, чтобы написать тебе об этом, ничего не забыть из своих последних ощущений. Тут мне попадаются жареные каштаны, а потом дождь застает врасплох. В кафе тепло, еще год назад было бы прокурено-дымно, уютно. Сейчас даже тут надо выходить на улицу. Пристраиваюсь на крохотной веранде, за микроскопическим столом, почти тумбочкой, на нем только и уместится, что пепельница, бокал St.Estephe и чашка кофе. Пишу все это в телефоне, все равно ноутбук ленился дома, на диване. Дивное, стремительное счастье солнечного Тюильри убежало, оставив вдумчивое, сонное удовольствие на дождливой веранде в La Bouteille d'Or напротив Риволи. А после меня ждет ужин на Сан-Жермен, или устрицы около Gare du Nord, и Трокадеро, все в отсветах прожекторов. И вообще, этот город меня лечит. Терапевтический эффект лучше кошачьего, медикаментозного или религиозного.

Я бы написала себе в своем дневнике на память: Как только в твоей жизни один этап будет подходить к завершению, перед тем как начать другой, не ленись и обязательно прокатись в Париж, чтобы усвоить мудрость как следует. Новый этап не замедлит настичь тебя, яркий и свежий, сразу после курса терапии. И каждый раз, возвращаясь сюда одна или с друзьями, ты будешь взрослее и умнее, и новые морщинки будут красить твое лицо пониманием жизни. Этот город будет твоим вакуумом, твоей пересадкой, храмом и спальней,

где ты одна, сама с собой и своими богами, сможешь успокоиться, усвоить и уложить внутри весь пройденный за пару лет материал.

Кстати, мне всегда было интересно, сбудется ли эта мысль. Но я никогда за столько влюбленностей, попыток сожительства, за столько километров путешествий и бесчисленных городов, за годы сознательной взрослой жизни, ни разу еще не попала в Париж с любимым мужчиной. С одним возлюбленным я несколько раз пребывала в опасной близости от своей земли обетованной, но она ускользала от нас. И святилище влюбленных Монмартр ни разу не приютил там мою вторую половину. Так что если кто-то и окажется там со мной рука об руку, наверное, это будет мое венчание.

Sentio F – 17 июня 2010

Мне сиделось ночью в оконном проеме. За стеклом шевелился предрассветный воздух, в комнате немного пыльно, и «Confiding me» Kylie Minogue где-то за стенкой. Очень хороший момент написать хоть кое-что из пришедшего в голову за сегодняшний день.

В голове оформилось что-то сложносочиненное, как будто все люди находятся на неких витках развития и понимания, где у каждого свой уровень и свой виток спирали, и чем ближе ты к центру, тем выше твои шансы на раскрытие себя. Доверять потоку жизни, доверять своим чувствам, пытаться дотянуться до теологической сущности бытия – это как попытка укунить себя за локоть. Всегда почти. Как сложно реальности угодить нашим чувствам, как сложно обрести гармонию со своим сегодняшним единственно важным днем. И как необходимо порой кажется обладать этим знанием. Слишком велика боль от глупых потерь и неожиданных провалов, от неудавшихся попыток, от утраченных шансов. Желание порой тоже слишком велико и требует, казалось бы, немедленного исполнения, иначе оно грозит свести с ума, но как редко эта грань действительно пересекается, и мы продолжаем жить дальше, оставив в проскользнувшем мгновении отчаяние несбывшейся мечты. Хорошо, что все наши желания не сбываются в минуту их рождения. Оказы-

вается, им сначала нужно повзрослеть, оформиться, налиться оттенками, набраться сил. И покорить жизнь настойчивостью своего присутствия. Учись желать. Я бы, наверное, даже сказала, забудь о поражении, это всего лишь новый оттенок опыта, который взрослит твою прихоть.

Город – 02 августа 2010

Город, абсолютно лишенный кислорода, переполненный людьми, изнывающий от зноя и присыпанный пылью в последние недели июля укутался пледом из огня и дыма. Чем нам тут не ад? Все признаки, все условия, и не видно исхода.

Тело, несмотря на выходные, и праздники отказывается принимать пищу и алкоголь, что по меньшей мере странно в разгар лета. Самая страшная потеря – случайная поломка кондиционера, в машине еле дышит климат-контроль. Но по привычке никто не спит в субботу...

Я рассматриваю пепельницу, стоя на веранде над Москва-рекой, около трех часов ночи. Пепельница смотрит на меня, недоумевая, почему мне не спится в такой час, почему я одна и не собираюсь домой. Ей-то, в отличие от меня, надо работать, она занята и несет определенный комфорт, ей не жарко, и ее не тревожит несмелое кратковременное одиночество. Мое же одиночество очень subtilно, весьма эфемерно и не долгосрочно сегодня, тем самым оно мне и нравится. Мы с ним робко держимся за руки, оглядываясь по сторонам и наблюдая. В последнее время его оттолкнули, спугнули веселым лаем, лишили нас друг друга, и взамен оно унесло с собой мягкие часы полуночи, когда так хорошо пишется, прихватило спокойные утренние минуты, когда незащищенная кожа и губы не подвергаются чужим прикоснове-

ниям и взглядам, лишило меня возможности просто пробежаться мыслями о несбыточном.

В общем, без одиночества я немного осиротела в это лето.

Пустите меня к ноутбуку, оставьте меня для меня ненадолго, я сразу стану немного лучше.

Help – 21 августа 2012

Я сидела на том самом диване, и ненависть к себе просто кислотой разжигала мои легкие. Даже дышать было противно. А началось все довольно просто.

Мне было, наверное, лет 10, когда я в первый раз увидела ее улыбку, прокравшуюся ко мне сквозь кольца старого деревянного забора. Забор был выкрашен когда-то в темно-зеленый цвет, как и ее глаза, хитро блестящие в соседнем палисаднике. Она так и сидела посреди какой-то клумбы, вся залитая светом, в панаме, призванной защитить золотую макушку от солнца, а я смотрела на нее и думала, что наконец хоть кто-то появился по ту сторону ограды, в этом большом одиноком доме с огромным садом.

Ее звали Муся, и с того момента мы с ней больше не расставались. Красивая принцесса, маленькая фея с соседней дачи, дочка перспективного архитектора росла и цвела на моих глазах последние 20 лет. Жизнь страшно ущипнула ее, рано забрав родителей в алчной до смертей авиакатастрофе.

Она вся такая нежная, теплая, злая и любимая провела слишком много времени на моем диване в поисках ответов на все женские вопросы. Давно перестала быть подру-

гой, стала соучастницей, кусочком моей души, пропиталась мною. Я всегда была как-то старше и увереннее, защищала ее от всех. А она, смешная, всегда, задумавшись о чем-то, смотрела вдаль, слегка наклонив голову на бок, как птица, и я любовалась ею.

Бокал прозрачный, а в нем янтарь шардоне светится лениво и беззаботно. Так и мы с ленивой беззаботностью разложили себя на креслах дачной веранды. Несмотря на относительную юность, я любила летом сидеть за городом, вызывая в душе покой и сумеречность, пытаюсь отгородиться от сиюминутных желаний вечернего мегаполиса. Муся приехала ко мне неожиданно, с пакетом источающих нектар фруктов.

Я молча и внимательно изучала пчелу, разрывающую плоть персика на мягкие атомы. Она крутилась долго, то ли не могла взлететь от сладости, лишившей ее осторожности и сковавшей волю... она даже не жужжала. А Муся жужжала мне на ухо. Устало и грустно пела о чем-то. Потеря работы лишила ее мужества.

Нам было по 24 года, и работа была для нее единственным средством к существованию. Мусины родители, прожили свою жизнь быстро и красиво, не особенно задумываясь о накоплениях на завтрашний день, поэтому принцессе пришлось начать трудиться рано и интенсивно. Муся плакала, украшая каждой своей слезинкой мои колени, а я, уставившись на пчелу, отчаянно жалела, что никак не могу никому и ничем помочь. Сигаретный дым смешался с моей челкой,

солнце почти село, вино тихо разливалось в голове, а мы так и не придумали, что теперь делать.

Телефон затрезвонил, казалось, внутри моего мозга, разрывая сонную накипь, вытаскивая из шестичасового покоя. Дотянулась до трубки, телефонный шнур перекрутился и замотался вокруг щиколотки, согнав последние следы ночи с нежной сони.

– Дорогая, я быстро и по делу! – голос незабвенного эксквазиначальника звучал слишком деловито и бодро для этого времени суток. Подушка, уютно скукожившись, призывно белела на кровати и сбивала с толку. Под локтем плед колелся шерстяным телом, утро не отпускало меня...

– Какой от меня может быть прок в такую рань? – я заметила, что педикюр на правой ноге немного облупился, меня это расстроило.

– Ты мне говорила летом, что у тебя девочка сидит без работы, у Алекса новый проект запустился, все очень стремительно развивается, ей будет интересно поучаствовать? – последовала сложная цепочка деталей и нюансов, но я уже почти не вникала, главное было то, что Мусе уготован шанс. И какой! Великолепная возможность, очень перспективная и интересная, и, если мой талантливый дружок сможет проявить себя должным образом, карьера ей почти обеспечена. Вспомнив грустную её птичью голову, маленькую комнату в некрасивом районе, метро по утрам, и тяжелые мысли на душе, я довольно улыбнулась себе и своей гуманитарной

миссии.

– Конечно, записывай телефон, позвонишь ей, и вы договоритесь, – я, кажется, расковыряла родинку на лодыжке, и это меня на минуту неприятно испугало.

– Нет, дорогая, мне некогда, я улетаю, потом ты же знаешь Алекса, он тебя так любит, вечером в четверг приводи её на открытие выставки, там представишь их друг другу. У нее будет больше шансов, если она придет с тобой.

– Ок

– Только пусть она там долго не думает, если что, у нас горит все, мы просматриваем по десять человек в неделю, и все рвутся работать. Все, милая, я опоздал уже везде, до скорого!

– Пока. То место, где была родинка, кровоточило, я слизнула языком каплю своего жидкого ДНК. Неужели и правда родинку содрала? Или просто показалось, это болячка какая-то... день начался рано, но принес хорошие новости для Муси. Я перезвонила ей сразу после завтрака, но она не взяла трубку.

* * *

Жизнь определенно решила побаловать меня. Мужчина был весь бархатный, ровный, заманчивый словно ледяное шампанское. От него точно так же покалывало на языке и хотелось смеяться. Прижимаясь к нему, я глупела, но не подавала вида, мы уже две недели сводили друг друга с ума своей

красотой, молодостью и осенними поцелуями. Он готовил, как повар из мишленовского ресторана, и учил меня долго и мучительно помешивать особый соус серебряной ложкой в какой-то специальной мисочке. Сердце понемногу обрело свою естественную форму, срастались рваные раны, он зализывал их и закармливал бешамелем.

В последний вечер перед его командировкой, мы сидели у его друзей в каких-то невероятно глубоких креслах и вели мало глубокомысленные беседы, в духовке томилась баранина с розмарином, а рядом с моим спутником томилась я. Он уезжал так стремительно, неожиданно, что мы оба пожалели о потерянном в платонических объятиях времени, и о том, что ближайшие 10 дней будут хоть и полны приятного ожидания, но в сутках теперь будет по меньшей мере 30 тяжелых, вязких, нудных часов. Ночью перед подъездом моего дома он целовал, обнадеживал, уже скучал и так волшебным пах туалетной водой, розмарином и искушением, что я с ужасом представляла себе свое десятидневное пребывание вне его присутствия. Соблазн провести свою первую совместную ночь в его последний вечер в этом городе был велик, но мы предпочли отсрочить приятный момент. Не зря же мы так долго готовили его каждый своей тонко выверенной игрой, точно дозированной страстью, всеми доступными силками.

Он прилетел неожиданно, так же, как и улетал. Приехал утром, обдав меня облаком самолетного запаха, одарив охапкой цветов, стремительно окутав, забрал, отвез, зацеловал,

положил, и, когда я очнулась, было уже 7 вечера. 7 вечера четверга. А я лежала в лучшей в мире постели, с лучшим в мире мужчиной, который собирался исполнить для меня лучший в мире tartar du boeuf в домашних условиях. И в этих домашних условиях, кутаясь в простыни и закуривая сигарету, я счастливо нежилась до тех пор, пока в мой мозг не начала стучаться маленькая и очень неприятная мысль. Мысль-заноза, не давала мне покоя, пока не оформилась в ужасную реальность. Я забыла про то, что в данный момент должна была в платье, с улыбкой и Мусей присутствовать на открытии выставки и устраивать карьеру лучшей подруги. Вместо этого я устраиваю свою личную жизнь. Но по истечении времени я понимаю, что даже не в тот момент реальность видоизменилась, искривилась и стала по-настоящему неприятной. Она стала намного более уродливой в тот момент, когда, немного подумав, я почувствовала облегчение от того, что мой телефон выключен, прием все равно уже начался, и Мусе можно просто сказать, что его отменили. В конце концов, познакомить ее с Алексом я могу и завтра, просто поймав его во время обеда. Я была в самом разгаре процесса заключения сделки со своей совестью, когда мой мужчина подошел ко мне и, обняв меня сзади, поцеловал в затылок. Сделка свершилась, я почувствовала, что поступила правильно, и с удовольствием зарылась в пледы на его диване.

Наши отношения продлились месяц.

Алекса не было в офисе. Его не было в городе. Он улетел в какой-то форум со своей новой ассистенткой. С той, на чьем месте должна была быть Муся.

Я встретила эту ассистентку пару лет спустя в пробке, она была еле различима за изящно тонированным стеклом мерседеса, за дымом, который шел из тонкой сигареты, за рукой с идеальным маникюром, небрежно стряхивающей пепел в окно. Но я ее узнала, и стыд толкнулся внутри: на ее месте должна была быть Муся, которая в этот момент задыхалась в душном вагоне метропоезда, в попытке удержаться на плаву.

Вечером Муся приехала ко мне, доверчивая и теплая, уставшая и немного безнадежная, она как всегда смотрела на меня своими нежными глазами.

Стол

В очередной раз я задумалась о том, что хоть что-то должно остаться после меня. Устроившись на подоконнике, разглядывая бороздящие улицу машины, перебирающих ногами людей в темных одеждах зимы, я просматривала бумаги из ящика старого письменного стола. Стол был тяжелый, настоящий, теплое дерево дышало под лаком, из-за этого медленного живого дыхания, лак местами потрескался, и множество морщинок испещрили поверхность столешницы. Я бы не выбросила его никогда, таскала бы из квартиры в квартиру за собой, словно любимого молчаливого пса. Он жил со мной с тех пор, как я помню свои первые шаги. Он знал все мои оценки, посмеивался над моими первыми сочинениями и укрывал тайны в недрах своих ящиков-пещер. Большой и мудрый, стол казался островком надежности в современном мне мире светлых зефирных кресел и воздушных консолей.

Выудив несколько листков, разрозненных и ничем не скрепленных, я оглаживала их пальцами. Старые друзья, поселившиеся на страницах давным-давно, окружили меня, приветливо и немного с укоризной шептали воспоминания. Что-то, чего я даже почти не помнила.

Раньше этот город населяли сонные волшебные существа, в томлении и дымке перемещавшиеся по моим сновидени-

ям и рассказам. Теперь, почему-то, мир стал опасно реалистичен, настолько реалистичен, что я начинаю подозревать его в иллюзорности. Странные мои герои перевоплотились в очень материальные образы мужчин и женщин, оставив меня разбираться с ними и их междоусобными проблемами.

Некоторые сказки, правда, и сегодня смотрели на меня еще прежними глазами, доверчиво выпрашивая внимание.

Любимая. Конец горю

Небо пошло в разрез со всем остальным. Странно разгоралось изнутри блестящим, густым голубым светом. На фоне выцветшей, словно понукающей себя к существованию, природы, этот яркий цвет слепил и резал глаза. Сегодня с самого утра так. Это бесконечно раздражало Соню, сидевшего, как обычно, у окна над книгой. Книга уже третий день лежала открытая на столе, шелестела по ночам, скреблась и сильно действовала на нервы. Но у Сони не было ни сил, ни желания поднять и захлопнуть ее. Каждый вечер он пробовал читать, но из этого мало что получалось. Он никак не мог вспомнить, о чем шла речь на предыдущей странице. Несчастливые мысли приходили ему в голову здесь, куда он приехал отдохнуть, побыть одному, отрешиться от всего земного и, может быть, если повезет, вернуть вдохновение. Впрочем, на это надежды уже не оставалось никакой. Неудавшийся поэт. Несостоявшийся художник, скульптор, композитор. Что может быть обиднее для тщеславного, мнительного человеческого я?

Соня сидел, склонившись над чужой книгой, и уже почти не делал никаких попыток понять то, что в ней содержалось. То есть то, что было заложено в нее чьим-то талантом. Возможно самым заурядным писакой, но книга цинично лежала перед ним, дразня кожаной плотью, упругими страницами,

и Соня сколько угодно мог сомневаться в способностях автора, факт оставался фактом. Эта книга существовала, а его гениальные произведения еще никто не возжаждал напечатать.

Он поднялся со стула и снова не поверил своим глазам. небо нагло, совершенно бесцеремонно наливалось все ярче, запуская в его уединенную комнату полуденные лучи. От этого у Сони закружилась голова, виски сжал упрямый обруч, и вдруг накатила волна жалости к себе, волна пустоты, противное вязкое вещество заполнило его голову, шею, плечи. В полном изнеможении он опустился на диван, упал в просторные подушки. Благо это ощущение никогда не продолжалось долго. Должно быть, зачатки депрессии: все казалось мерзким, беспросветным и давило невыносимой ношей. Минут через пять Соне и правда полегчало, несчастный и уставший от бесконечной бездейственности, он заснул.

С тех пор как Соня начал жить один, что для мужчины его лет было настоящим самоотверженным решением, он делил дни на удавшиеся и неудавшиеся. Учиться он закончил довольно давно, и теперь его существование сводилось к ежедневному пребыванию в некоем офисе некой компании, производящей рекламные поверхности, с целью доказать своему богатому деду, что тот не зря каждый месяц присылает на его счет задиристую сумму денег. Но не буду вдаваться в детали, Соня еще этого не заслужил.

По ночам он сидел в барах, набираясь сил и вдохнове-

ния, а, может быть, надеялся, словно эстетствующий французский писатель Бегбедер, почерпнуть там сюжеты и мысли для своих лучших произведений. Сидел в углу и пил, записывая, записывал, наблюдая. Он знал себе цену и потому иногда, а впрочем, довольно часто не появлялся на работе, ведь у него на то была масса уважительных причин. Он ходил в темном узком пальто, любил потратиться на английские костюмы и преклонялся перед темными очками. Когда в его жизни начался период экономии, он никак не мог увязаться с этим событием, но все же перестал путешествовать, разумно урезал расходы на одежду в пользу алкоголя, перестал выходить по ночам, засел окончательно дома и утвердился в мысли, что его настоящая работа это писательский труд. С этих пор и начались довольно серьезные проблемы с творчеством.

Соня стоял у зеркала и методично смахивал щеткой пыль с пиджака, когда в комнату закралось солнце, подмигнуло отражению, некстати высветив еще несмелую сетку морщинок у глаз, и перебралось на тумбочку, устроившись довольно удобно на кипе старых журналов. Такого поведения Соня не ожидал даже от четверга. Соня заранее предвосхитил все катастрофы сегодняшнего дня. Еще ни один четверг не прошел для него даром. В просторной, довольно чистой кухне ночевали бабочки. Соня разогнал их привычным движением и налил себе кофе в большую кружку. Взгляд его упал на полку, куда два месяца назад, бросив курить, он поло-

жил пачку сигарет (для проверки силы воли). Каждое утро под запах кофе просыпалась в нем еще не добитая вредная привычка. Соня видел ее в зеркале. Она отражалась у Сони в глазах – маленькая старушка в сером платочке и с отвратительной корявой палочкой. «Сколько людей заводит себе такую старушку!» – подумалось ему, в любом случае он в последнее время почти избавился от навязчивой пенсионерки. Весьма довольный последним обстоятельством, Соня вооружился на всякий случай карманной дубинкой (четверг!), надел калоши и вышел из дома. На улице на него снова набросилось разъяренное бабьелетнее солнце. Прищелкнув языком от чувства собственного превосходства перед скудным природным разумом, Соня нацепил темные очки.

Сегодня он шел на работу длинным, но безопасным (четверг!) путем через бульварную дугу. Не пересекая мост, не переходя дорогу, он сел в маленький утренний, еще не успевший распухнуть от толпы автобус и покатил по направлению к офисному району. Соня ехал, смотрел в окно и неожиданно обнаружил, что он довольно улыбается. За окном в это время проплыла легко, словно утка по озеру, забавная белая меховая шапочка. Автобус ехал все дальше и дальше, штурмуя пробки и унося Сонию от уютного сонного дома на окраине парка.

* * *

Я по примеру моего старого знакомого отправилась на кухню, почти готовая отмахиваться от зевающих бабочек. Копоть обливала толстенькую джезву, скрывая ее когда-то медные бока. Кофе и дневные мысли прокрались в мой организм, смешивая внутри все в один большой ком из воспоминаний и фантазий. Лучшее время для работы, но очень хочется дочитать, что там было дальше с моим ленивым Соней.

Небо прочистилось, прокашлялось остатками ночных облаков и обрядилось в голубое, будто для воскресенья. Сердце подогревали написанные вчера перед сном несколько строк, аккуратно смоченные промокашкой, сложенные в папочку и убранные за пазуху с явным намерением продолжить их на работе.

* * *

Наконец, со старческим пыхтением, автобус открыл двери и выпустил Соню в жизнь. Улица уже кишела одноликими людьми, уже жарилась под набирающим силу солнцем.

Соня быстренько, чтобы ни на кого не напороться, взбежал по ступенькам большого безвкусного каменного здания на площади. Вобразившись на третий этаж, он обезопасил себя стеклянной перегородкой офисной двери, всем своим существом ощущая брезгливость по отношению к этим странным и грубым созданиям в вестибюле, коридорах, кухне. Чашка вчерашнего чая на столе состроила Соне глазки, ком-

пьютер безнадежно вздохнул, предвкушая полное бездействие, мастер чихнул и принялся кропотливо соединять слова в предложения.

Когда на улице зажглись фонари, присутствие голода обозначилось самым прямолинейным образом, а выпить захотелось просто смертельно, Соня решился на побег. Офис изрыгнул Соню в город. Дверь за ним захлопнулась со звуком прощального поцелуя.

Затравленные за день улицы и перекрестки ложились под ноги прохладным осенним асфальтом. С автобусом, распухшим до неприличия, Соня предпочел не связываться, вдруг раздавят (четверг!). Мелькнул любимый переулок с неприметным супермаркетом, а напротив расцвело видение, необычайное облако. Знакомая белая шапочка, похожая на льнущего ко лбу зверька, шла по другой стороне узенькой улочки, держась за руки с каким-то мужчиной, и вдруг обернулась...

Посмотрела на Соню растерянно, спутано, потом бережно, развязно, хотя нет, смущенно, задумчиво. Он, в общем, сам не понял. Но она смотрела на него пока проходила, держась за руки с каким-то мужчиной, и пока они не свернули за угол, но она и оттуда наверняка смотрела на него.

Соня нехотя побрел домой, по дороге остановился и, купив пачку сигарет, выкурил сразу две штуки. Настроение смутно пиналось у него в груди, а может, что-то другое. Немного подташнивало, и кружилась голова от никотина,

вцепившегося в сосуды моментальной отравленной хваткой. Соня неслышно подкрался к дому, когда было уже совсем и откровенно темно. Дома снова не оказалось света, потому что шел дождь и залил ему всю проводку. Из дыры для обзора звездного неба стекали струйки воды. Такое частенько случалось, Соня не обратил на это особого внимания, а лишь вздохнул, выпил стакан шабли и лег спать.

* * *

Я вздохнула, поежившись от сквозняка, потеплее укуталась в вязаный кардиган и отключила телефон, навязчиво вызванивавший меня из перипетий моих собственных сочинений.

* * *

И снова небо шло в разрез с остальным миром, а Соня валялся на диване, не в силах подняться и взять себя в руки. Уже неделю он не работал, не выходил на улицу, четверо суток не брился, и опасное лезвие бритвы, начищенное и забытое у зеркала в ванной, становилось все более опасным. Оно наверняка порежет Соне щеку, когда он, наконец, о нем вспомнит. Много дней он не мыл голову и не вспоминал о туалетном мыле, не хватало смелости подойти к зеркалу и совести подойти к письменному столу, на котором в беспорядке валялись отрывки мыслей. Отрывки и рады бы-

ли бы соединиться в одно целое, но не могли. В проеме окна за это время столько раз стемнело и рассвело, что Соня сбился со счета. Не слишком заботясь о причинах своей очередной депрессии и страдая от собственного бессилия, он бессмысленно глядел в потолок, где резвились паучки и мушки. Они прыгали и играли, казалось, в прятки. Одна из мух села на кончик Сониного носа и впилась в него пытливым взором сотен глаз.

– Хочешь развлечься – сходи куда-нибудь. Разве Роза не приглашала тебя сегодня на концерт в клуб ее отца? – сказала муха

– Неохота.

– Разве ты можешь ей отказать? Смотри, а то в следующий раз тебя вообще никуда не позовут. К тому же тебе надо в кои-то веки выгулять твой новый пиджак!

– Ты, конечно, права, но мне, кажется, лень, или что-то вроде того.

– Ступай, позвони и скажи, что пойдешь. Ступай, не хочу целыми днями смотреть на твою тушку. Иди, иди, пошевеливайся, так и быть, я отвлеку Полунию от телефона.

Соня слез с высокого барного табурета и тоскливо отправился в кабинет, где покоился его телефон. На аппарате вальяжно раскинулся большой пушистый крыс, согнать которого не представлялось возможным. Крыс, утробно урча, грел бока о теплый блок питания, заодно подмяв под себя трубку. И все же мушка-утешительница, усевшись крысу

на уса́тый нос, сумела потревожить его олимпийское спокойствие. Он возопил и кинулся прочь из кабинета. Мушку это не затрудняло, и она проделывала подобные манипуляции каждый раз, когда Соне требовалось позвонить. В последнее время, впрочем, это случалось все реже.

– Розочка, привет, милая! Ты еще не отказалась от своих планов на сегодняшний вечер?

Соня был доволен собой, впрочем, самому себе он в этом почти не признавался. Он вообще предпочитал не признаваться себе, что ему нравится смотреть в зеркало и видеть в нем свое довольно смазливое отражение, начищать до блеска ботинки (пусть с некоторых пор это приходилось делать самому) и педантично отглаживать воротнички своих рубашек. Соня относительно быстро приходил в себя. Смешав мартини с оливковым рассолом и лимоном, он присел на краешек стула и настроился на приятный вечер.

Скоро он уже шел по освещенным улицам, скрипел ботинками по неожиданно раннему снегу и проклинал все на свете из-за отсутствия машины. Он спрятал руки в карманы шерстяного пальто, втянул голову в плечи и поспешил к дому Розы. Ему понравилось, что при выдохе изо рта или из носа шел синеватый пар, и он то и дело с силой выпускал из себя воздух, любуясь произведенным эффектом.

Такси он взял лишь за одну улицу до нужного адреса. На крыльце большого дома его уже ждала высокая милая Роза с алыми губами и теплой кожей. Из-под яркой заколки вы-

скакивали тоненькие светлые локоны и плясали на плечах. Соне захотелось накрутить на палец одно из этих беззащитных колечек и втянуть запах ее волос, но он сдержался. Роза быстро просунула тонкую руку в перчатке под локоть Соне и заторопила его.

В клубе играли блюз. Тут действительно было полно народу, все примерно одного образа и возраста. Все эти люди были хорошо одеты, сидели на удобных диванах за хорошо сервированными столами, пили что-то из тяжелых дорогих бокалов и были похожи на них с Розой. Немного тяжелый теплый воздух и мягкое освещение скрывали ненужные детали, все казалось чуть моложе, чуть симпатичнее и чуть приятнее чем обычно. Кто-то вел светские беседы, другие столпились у экрана, висевшего на кирпичной стене лофта, собственно, такой и должна быть стена настоящего лофта, когда-то нежилого производственного помещения, там наверняка транслировался концерт грузчиков и авиапилотов из Парижа. Третьи, одинокие, блуждали по залам в полной растерянности, не зная, куда пристроить свои тела. Розочка спешила познакомить Соню со всеми более или менее примечательными личностями, большинство из которых он прекрасно знал, но предпочитал не вспоминать о них, как о случайных и не всегда приятных эпизодах своей многогранно сексуальной молодости. К счастью, почти все они придерживались тех же соображений и потому предпочитали любезно кивать ему в знак знакомства. Исполнив светский долг, Роза

со всеми церемониями удалилась в дамскую комнату. Соня осталась ждать один.

Его обоняние уже вновь, как и сотни раз прежде, смирилось с въедливыми запахами табачного дыма, а слух – с концертом из Парижа, когда в главный зал, вошел многозначительный человек, похожий на дирижера, и провозгласил начало вечера.

* * *

Некоторые люди могут сами позаботиться о себе, некоторые нет. Я отношусь к третьей категории. Я умею заботиться о себе лишь тогда, когда я одна, и тогда, когда это необходимо, порой моя самостоятельность, которую я практически возвела в ранг независимости, вызывает во мне истинную гордость. Но правда всегда была горше. Как только появляется кто-то желающий и умеющий обо мне позаботиться, я малодушно складываю свои полномочия хозяйки положения. Вот и сегодня, я долго пыталась найти штопор, заботливо спрятанный куда-то моей новой, совершенно невероятной домработницей. Она была настолько хороша, что я моментально полностью сдалась на ее милость и умение вести хозяйство. Но где же штопор?? Не оставлять же Соню одного так надолго.

* * *

Розочка сидела за миниатюрным круглым столиком напротив Сони и, отчаянно пытаясь придать милому лицу интересное выражение, что-то рассказывала, рассказывала. Соня же пытался в ней это выражение найти, хоть что-то слышать и отчаянно скучал. Он знал, что Роза испытывает к нему пылкую плотскую симпатию, и не понимал, зачем для достижения гармонии она пытается сразить его интеллектом. «Завтра, наконец, надо выбраться в офис», – рассуждал он, пытаясь побороть лень. По потолку прогуливались толпы мух, одна из них, кокетливо опустив ресницы, подмигнула Соне, и это обстоятельство только еще больше задело чувство его собственного достоинства. «Боже, и зачем я пришел сюда именно в четверг?!» Музыка вгоняла в тоску и безразличие, шампанское подавали чуть ли не самое кислое в мире, а свечи дымили в нос и мешали видеть. Соня уже готов был встать и уйти, но теплое дыхание официанта остановило его:

– Подождите здесь немного. Там наверху мне было поручено продержать Вас здесь еще буквально полчаса, – томно, но весьма категорично прошептал официант. – Должно же Вам хоть раз в жизни повезти, всем дается шанс.

– ?

– Отныне четверг будет Вашим любимым днем.

Соня сел, закурил и только успел заметить, что официант прихватил Розочку в охапку и понес на первый этаж.

Хлоэ проснулась слишком рано и в слишком хорошем настроении, чтобы рассуждать.

Сегодня в десять утра они с будущим мужем собирались к цветочнику выбирать букеты для свадебной церемонии. Примерный жених даже отложил свой традиционный завтрак с коллегой в кафе напротив издательства, чтобы заказать цветы, а после пройтись с Хлоэ по городу, проводить ее к портному. Город был изрядно засорен, а под ногами то и дело шныряли паразитические зверушки в шерстяных жилетах, так что было бы неразумно отпустить девушку одну. А Хлоэ ничто не пугало и не тревожило. Поэтому она проснулась в четверг рано утром свежая и счастливая, как, впрочем, почти каждый четверг своей короткой жизни.

Зубная паста из тмина капнула на подбородок, быстро соскользнула и прыгнула на подол ночной рубашки. Хлоэ облизнулась и решила, что в следующий раз надо купить мучную, она не так пачкает одежду, да и в раковину не въедается. Попила воды, надела любимое белое платье из тонкой шерсти и поставила на огонь выточенные бобрами (судя по их цене), бамбуковые трубочки, чтобы завить волосы.

Небо, как и все остальное по четвергам, извергало изысканно синее сияние. На подоконнике в гостиной сидело солнце и болтало ногами, Хлоэ случайно задела его, когда смахивала пылинки с горшков с цветами. За утренним кофе она прослушала сумбурную мозаику утренних новостей

и, совершенно довольная собой, утонула в зеркале с увеличивающим стеклом, чтобы в подробностях изучить свою кожу и решить, какой косметический наряд ей сегодня больше подходит.

Хлоэ вышла из дома на десять минут раньше положенного и направилась в сторону стоянки такси, но передумала, свернула за угол и пропала в одном из многочисленных магазинов.

Хлоэ было около двадцати лет. Приблизительно от семнадцати до двадцати четырех, никто не мог сказать точнее, даже она сама. Морщинки то набегали предательски на ее улыбку, то трусливо прятались, напуганные очередным приступом заразительного смеха или дрожа перед новым кремом.

Живя раньше в маленькой квартирке в старом квартале, она завела себе много таких же небольших городских привычек, от которых было трудно отвыкать, когда пришлось переехать в самый центр. Булочная при кафе, с хозяйкой которого было так отрадно болтать за бейглами, которые с таким же успехом можно называть кривыми пончиками, вино-тека с шахматами, где уютно засиживалось по вечерам в будни, возвращения на рассвете пешком по набережной в объятиях уверенных рук и в предвкушении грядущего сонного дня. Впрочем, переезд не отучил ее от чтения, старых фильмов и сигарет, легким запахом которых, смешанным с запахом туалетной воды, быстро пропитались новые стены, при-

мирив с переменами. Будущий муж приходил часто и даже когда не приносил подарков или сладкого, был сама любезность и очень обязал Хлоэ, предупредительно взяв на себя бескорыстную помощь при оплате нового съемного жилья. Хлоэ тогда еще сама не знала, выйдет ли за него когда-нибудь, но сочла полезным придержать его за собой на какое-то время.

Тунеядство с комфортом поселилось вместе со своей любимой спутницей в просторных комнатах с высокими потолками и большими окнами в массивных деревянных рамах. Оно процветало, толстело и наливалось силой прямо на глазах у беззаботной Хлоэ.

Между тем, у Хлоэ была одна страсть, которую, она, впрочем, не взращивала в себе до уровня смысла жизни. Но так уж случилось, что довольно рано, еще в школе, она начала писать роман. Это был один-единственный роман, зачатки которого появились еще лет семь назад. Начало – это полудетские полууношеские строки, которые обретали смысл лишь в контексте всего произведения. Они очень хорошо вязались с общим, немного беззаботным, немного бессознательным существованием самой Хлоэ, которая жила, не вваливая на себя ответственность за свою жизнь и предпочитая перекладывать ее на плечи мужчин: отца, брата и будущего супруга.

Хлоэ примерила шапочку. Пушистая норка покрутилась немного и, наконец, идеально устроилась, обвив мягким хво-

стом её голову. Белоснежный зверек очень подошел по цвету к платью и валеночкам, а Хлоэ порадовалась, что морозное «бабье лето» не застало ее врасплох.

День начался великолепно. На автобус она садиться не стала, он проехал мимо, мелькнув окном, в котором ей почудилась слегка растрепанная голова какого-то худого человека. Хлоэ шла по набережной, ветер перебирал старые листья на тротуаре, трогал и кружил их, перемешав с молодыми снежинками. Она купила себе жареных каштанов и, пристроившись на скамейке, грелась на ярком солнце. Будущий муж подкрался незаметно, и она вздрогнула, подумав, что так же незаметно он может подкрасться и к алтарю. Но пока он взял ее за руку и поцеловал в тыльную сторону запястья. Хлоэ очень его любила, но немного пожурела про себя за то, что он неудобно сдвинул перчатку.

Магазин цветочника приторно благоухал и переливался всеми цветочными цветами, какие только можно придумать. Хлоэ с женихом заказали у него замечательные корзины с нарциссами и белыми камелиями, много метров белых лент и карамельных ангелов. Потом они долго слонялись по городу в поисках ланча, а ангелы плотоядно смотрели им вслед, предвкушая финал.

Портной поздно закончил примерку, в типографии долго не находились заказанные образцы приглашений, стемнело незаметно, для жениха пришло время встречать и везти свою невесту ужинать.

Парковка обнаружилась не сразу, да и то далековато от ресторана. Переходя оживленную дорогу, будущий муж все так же держал Хлоэ за руку и не хотел отпускать. А на другой стороне улицы застыл в ожидании чуда слегка растрепанный черноволосый человек. Взглядом Хлоэ его как бы даже и не коснулась в начале, а он словно обнял ее глазами и гладил нежно по затылку, который сразу отяжелел. Она, кажется, узнала его, что-то было такое смутное в его лице. Даже из-за угла, куда будущий муж увел ее безвольное тело, она продолжала изучать незнакомца. Он даже пах не так, как обычно пахли мужчины, а по-другому: неуверенно, шоколадом, чуть неожиданно, но безнадежно привлекательно, его запах щекотал ей горло даже на другой стороне тротуара. Или ей показалось. Впрочем, ресторан оказался индийский, так что специи решили дело.

Хлоэ достала из комода тонкие чулки и придирчиво осмотрела идеальный шов. Швы должны точно подчеркивать ногу. Шелковое платье имбирного цвета прижалось к коленям, обняло талию и уместилось на груди. Телефон ждал уже полчаса, пока она оглаживала свое тело, в поисках огрехов, укладывала волосы, распушившиеся после медовой маски, красила ресницы. А у телефона ждал брат, чтобы сказать, что не сможет сопровождать Хлоэ на концерт, потому что у него дома сидит божественное провидение и не пускает его никуда. Хлоэ этот факт нисколько не смутил, в конце концов в клубе наверняка полно знакомых, поэтому она

накинула на плечи легкое пальто и поспешила на улицу, где у подъезда уже ожидало такси.

В клубе было чудесно. Играл великолепный блюзовый квинтет, на столах красиво плавилась свечи, вокруг – сплошь ухоженные, приятные люди.

К Хлоэ подошел невысокий официант и, довольно буднично опрокинув на нее стакан с соком, произнес:

– Должно же Вам хоть раз в жизни по-настоящему повезти.

– ...мне и так неплохо живется – удивилась она

– Нет-нет! Пойдемте – официант схватил ее за руку, подул на пятно от сока, которое моментально испарилось, и потянул ее в главную залу, где уже столпилось большое количество народа.

* * *

Я гладила свои воспоминания, раздумчиво перелистывая страницы. Иногда мои мысли путались с прочитанным и, то забегали вперед к надеждам в гости, то возвращались к моменту моего знакомства с А. Мне нравилось вспоминать первые месяцы нашей любви, и совместные подвиги, и мои слезы, и неудержимое веселье, и неожиданные глупости – предвестники ссор. Надежды все еще звонкими карамельками перекатывались у меня в голове, а сердце украдкой слизывало капли этого сладкого сиропа.

Поэтому я немного завидовала своим персонажам, у которых все только начиналось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.